

Г. Н. Геннади (1826–1880)

⁴⁷⁶ — К числу наиболее популярных русских библиографов принадлежит Геннади...

Геннади Григорий Николаевич (1826–1880),⁽¹⁾ библиограф, библиофил; печатался под псевдонимом Григорий Книжник. Наиболее известные его труды: «Литература русской библиографии» (СПб., 1858), «Русские книжные редкости» (СПб., 1872), «Справочный словарь о русских писателях и ученых...» (Берлин; Москва, 1876–1903. Т. 1–3).

⁴⁷⁷ — В научной и литературной среде поводом для насмешек над Геннади <...> был пропуск «Мертвых душ» в составленном Геннади «Списке сочинений Гоголя» (1853). Этот промах вспоминали, смеясь над ним, в течение всей жизни Геннади <...> Некрасов в «Раздраженном библиографе...» писал...

Этот анекдотический случай — пропуск «Мертвых душ» в «Списке сочинений Гоголя» — сильно испортил в свое время репутацию 27-летнего Геннади, поэтому требует вразумительного объяснения. В примечаниях к 3-му изданию «Истории русской библиографии...» Б. С. Боднарским опубликовано обнаруженное уже в XX в. письмо Геннади к С. Д. Полторацкому: «Готовлю несколько статей, но исподволь, а то как раз пропустишь что-нибудь, как в моем “Списке сочинений Н. В. Гоголя” (видали в сентябрьской книжке “Отечественных записок”?) нет “Мертвых душ”. Только!!! Хоть по-настоящему виноват Краевский, да кто же это знает? Браните меня».⁽²⁾ По всей видимости, этот пропуск был не в самом списке, составленном Геннади, а в корректуре (иначе остается непонятной ссылка на редактора журнала). Но как бы то ни было, подобные «ляпы» в библиографии недопустимы, и насмешки современников над Геннади вполне оправданы. Однако выводы, которые впоследствии сделали из этого анекдота советские исследователи, совершенно неадекватны факту. По их мнению, пропуск «Мертвых душ» объяснялся «формализмом» Геннади. «Содержание книги, ее социальная ценность Геннади не интересуют, — заявлял С. А. Рейсер, — ему важен только учет как можно более подробный и полный».⁽³⁾ Оттого-то, дескать, редко встречающийся, уничтоженный самим Гоголем «Ганс Кюхельgarten» для него важнее «Мертвых душ». «И пустая книга может быть редкой, — читаем мы далее, — и потому ценной. В таких случаях для Геннади уже не существенны ни содержание, ни назначение книги: это просто редкая или даже изящная вещь».⁽⁴⁾ Весьма странные обвинения, если учесть, что Геннади не занимался старинной и редкой книгой. За исключением одной небольшой работы — «Русские книжные редкости», все его труды посвящены новой русской литературе и отнюдь не включают «пустых» книг. Все обвинения Геннади в формализме, объективизме и прочих грехах — плод неизученности

вопроса. Стоило только отказаться от ярлыков и внимательно просмотреть работы Геннади, как сразу исчез формалист, реакционер, дилетант, барски забавляющийся библиографией, а возник образ либерала, с презрением относящегося к тому, что он сам называл «петербургской реакцией», труженика-библиографа, создавшего замечательные труды.⁽⁵⁾

Принято считать, что стихотворение Н. А. Некрасова «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» — сатира, направленная именно против Геннади, и это, конечно, усиливает позиции его противников. Однако это стихотворение — многоплановый политический памфлет, для которого анекдотический случай с пропуском «Мертвых душ» являлся лишь предлогом. Нарисованный в этой сатире образ ретрограда, чуть ли не доносчика, заклеянного всей передовой прессой того времени, ни в коей мере не соответствовал облику Геннади.⁽⁶⁾

⁴⁷⁸ — Другим крупным промахом Геннади было редактирование им «Сочинений» Пушкина в издании Исакова (т. I–VI, Спб. 1859), поражавшее небрежностью, урезками текста, пропусками и другими дефектами.

По всей видимости, Здобнов не потрудился хотя бы просмотреть это издание (а также отклики на него), ибо как раз не урезки текста, а текстологические излишества, доходившие до того, что черновые строки вводились прямо в текст (этот метод применил затем и П. А. Ефремов), стали объектом критики того времени. Фельетон Некрасова в «Свистке», написанный в виде письма из провинции, как раз и высмеивает этот метод.⁽⁷⁾

⁴⁷⁹ — Геннади был одним из зачинателей библиографического движения среди молодежи 50-х годов. Европейски образованный дворянин, чуждавшийся чиновной карьеры <...> Геннади всю свою жизнь посвятил библиографии и был представителем переходного периода в ее истории.

Эти суждения вызывают ряд вопросов и требуют доказательств. Прежде всего — откуда пошло мнение о роли Геннади как «зачинателя»? Ведь одновременно с ним в русской библиографии начали свою деятельность М. Н. Лонгинов, Н. С. Тихонравов, М. Л. Михайлов, Е. И. Якушкин, Н. В. Гербель, В. П. Гаевский и другие его сверстники, люди, родившиеся в середине 1820-х гг. Геннади был активнее многих (за исключением, может быть, Лонгинова), но лидером он никогда себя не чувствовал и таковым не был; напротив, он охотно выступал в роли ученика и скромного сотрудника. Непонятно, и что представляет собой указанный Здобнова «переходный период». Переходный от чего к чему? Это никак не мотивируется и остается, таким образом, в области необъяснимых явлений.

⁴⁸⁰ — ...деятельность Геннади распадается на два периода: первый — 50-е годы, когда он метался от одной тематики к другой, и второй период — 60-е и 70-е годы, когда он преимущественно работал над «Справочным словарем о русских писателях и ученых».

Знакомство с полной хронологической библиографией трудов Геннади, составленной в 1913 г. У. Г. Иваском,⁽⁸⁾ не дает оснований для такого рода выводов. И в 1850-е гг., и в последующие десятилетия Геннади пробовал себя в самых разных жанрах и темах. Как раз в 1860–1870-е гг. он составил «Библиографический указатель русской археологической литературы», «Книжки для школ и народного обучения» (один из первых рекомендательных библиографических указателей в России), «Указатель библиотек в России» (сразу переведенный в Германии), «Список сочинений о Крыме» и многое другое. Неустойчивость интересов — это, безусловно, отрицательная черта Геннади как библиографа. Он всегда стремился спешить за прогрессом и боялся упустить актуальную тему.

⁴⁸¹ — ...важнейшей работой Геннади, относящейся к 50-м годам, является «Литература русской библиографии» (Спб. 1858), содержащая систематический аннотированный указатель почти всей русской библиографической литературы и сохраняющая до сих пор все свое значение.

Это, без сомнения, так. Но Здобнов не отметил, что «Литература русской библиографии» (сразу ставшая настольной книгой библиографов) была не просто «систематическим аннотированным указателем», а одним из первых в мире национальных ретроспективных указателей библиографической литературы (библиографии библиографии). Труд Геннади

не уступал выдающимся образцам западного книговедения, так как Геннади, как и многие его современники, понимал библиографию весьма широко: в его указателе мы найдем не только собственно библиографические труды, но и описания редких и старинных книг, книги и статьи книговедческого характера, описания библиофильских работ и сочинений (которые ныне мы не причислили бы к библиографии), труды по истории библиотек. (См. примеч. 37 к гл. 2 «Общая библиография. Библиография русской библиографии» раздела «Вторая половина XIX века. 50-е годы»). Но именно эта «всеядность» обеспечила долгожительство «Литературы русской библиографии»: она оказалась не перекрытой позднейшими трудами, учитывавшими только собственно библиографические работы.

⁴⁸² — ...Геннади с 1857 г. приступил к регулярной работе по текущей библиографии умерших русских писателей и ученых (некрологи), которую непрерывно продолжал в течение 18 лет и которая вместе с материалами, собранными для репертуара русской книги, легла в основу третьей важнейшей работы Геннади — «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях...» (т. I–II. Берлин, 1876–1880; т. III. М., 1908).

Второй важнейшей работой Геннади Здобнов называет «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях». При всех неизбежных пропусках и неточностях «Словарь» Геннади дает сведения о многих деятелях русской литературы, науки, просвещения. Следовало бы отметить и его драматическую судьбу. Первые два тома Геннади издал в Берлине (1876–1880), вдали от русской цензуры (словарь буквально переполнен запрещенной литературой). Затем, приехав ненадолго в Петербург, он простудился, заболел и умер. Остались неопубликованными, но полностью законченными (с помощью Н. П. Собко, сверявшего материал по фондам Императорской Публичной библиотеки) еще два тома «Словаря...». Оба эти неизданных тома оказались в Дрездене, где в последние годы жил Геннади. Их сохранил князь А. А. Куракин (брат супруги Геннади), служивший в русской миссии в Дрездене. Много лет спустя он передал их библиографу А. А. Титову, который успел издать третий том, а вскоре и сам скончался. Последний том, поступивший вместе с бумагами Н. П. Собко в Публичную библиотеку, так и остался в рукописи.⁽⁹⁾ В 2006 г. три опубликованных тома были переизданы петербургским издательством «Альфаре́т», а в 2010 г. московским издательством «Мамонт».⁽¹⁰⁾

Кроме «Словаря», в бумагах Геннади сохранились еще два аннотированных библиографических указателя: «Сборники ученых статей: библиография» и «Библиография русских альманахов и литературных сборников». Обе работы хранятся в фонде Геннади в Отделе рукописей РНБ, они не были известны ни У. Г. Иваску, ни Здобнову. Между тем эти труды, в особенности второй, представляют немалую ценность, не говоря уже о том, что наличие таких работ опровергает устоявшееся мнение о том, что Геннади брал материал из «вторых рук»: они составлены по фондам личного собрания Геннади.

⁴⁸³ — Геннади был одним из наиболее влиятельных буржуазно-консервативных теоретиков библиографии и основоположником буржуазной библиофилии.

Несколькими страницами ранее Здобнов писал о том, что Геннади был «европейски образованным дворянином». Непонятно, когда и как он превратился в «буржуазно-консервативного теоретика библиографии». Тем более из высказываний Здобнова неясно, в чем выражается «буржуазная библиофилия». Как книгособиратель Геннади стоит в одном ряду с М. Н. Лонгиновым, С. А. Соболевским, С. Д. Полторацким, М. П. Полуденским и другими деятелями дворянской культуры. Разница лишь в том, что он (в отличие от Лонгинова, например) был более последовательным либералом, никогда не менявшим своей гражданской позиции.

⁴⁸⁴ — Его теоретические взгляды мы уже характеризовали. <...> Основная черта их — формализм, впервые определившийся в конце 50-х годов как реакция против революционно-демократических требований, предъявлявшихся тогда к русской библиографии. Та же черта, доведенная до беспринципности, характеризует и библиофильские взгляды Геннади <...> окончательно сформулированные в его книге «Русские книжные редкости» (Спб. 1872), ставшей своего рода евангелием для большинства русских библиофилов третьей четверти XIX века и первых двух десятилетий XX века, стремившихся собрать в своих библиотеках все книжные

редкости, перечисленные в названной книге Геннади <...> *Беспринципность* — основная черта библиофилов «геннадиева толка».

Что касается теоретических взглядов Геннади, то Здобнов (как и его последователи в советское время) нашел для них одно слово: «формализм», да не просто формализм, а та его вредоносная разновидность, которая «определилась в конце 50-х годов как реакция против революционно-демократических требований, предъявлявшихся тогда к русской библиографии». Но и этого мало! «Та же черта, доведенная до беспринципности, характеризует и библиофильские взгляды Геннади». В качестве доказательства этой «беспринципности» все, писавшие о Геннади, в первую очередь апеллируют к его книге «Русские книжные редкости» (СПб., 1872), являвшейся руководством для библиофилов и букинистов и не содержащей никаких теоретико-идеологических высказываний. Подобные справочники и путеводители издавались в то время во многих странах (в первую очередь во Франции) и никто не приписывал им других функций. Геннади был не только библиографом, но и одним из наиболее известных книгособирателей своего времени. Его книга «Русские книжные редкости» была предназначена в помощь товарищам по библиофильскому цеху. В ней не только описаны (и проаннотированы) редкие книги, изданные на русском языке, но и даны сведения об их владельцах, что весьма важно при книгообмене и выявлении дублетов. Откуда здесь «беспринципность»? Это еще один уничижительный ярлык, за которым не кроется никакого содержания.

Вслед за Здобновым стало традицией обвинять библиофилов в пристрастии к редким книгам. Считается, что в XIX в. существовали два типа собирателей: «ефремовского» (имеется в виду П. А. Ефремов) и «геннадиевского» толка. Первые будто бы не интересовались раритетами, а собирали книги, нужные им для научной работы; вторые же были бездумными коллекционерами редкой книги, причем такой, которая ничем, кроме редкости, не была примечательна. Неизвестно, откуда пошло такое разделение, однако очевидно, что оно не имеет никаких оснований.⁽¹¹⁾

В заключение считаем нелишним привести мнение о Геннади У. Г. Иваска, автора его жизнеописания и аннотированного обзора трудов: «Как человек обеспеченный, он занимался библиографией не по необходимости, а просто “из любви к искусству”; может быть, именно поэтому он и слыл в данной области только дилетантом. Но можно ли с такою легкостью обвинять его в дилетантизме, низводя его деятельность до пустого любительства, когда никто не станет отрицать за ним известных преимуществ даже перед многими признанными библиографами-специалистами, когда и в настоящее время само понятие о значении, задачах и приемах библиографии все еще прочно не установилось. Одно уже то, что Геннади описывал книги по подлинникам, не доверяя чужим указаниям, нельзя не поставить ему в большую заслугу».⁽¹²⁾

ПРИМЕЧАНИЯ

⁽¹⁾ О нем см.: Иваск У. Г. 1) Григорий Николаевич Геннади : (обзор жизни и трудов). М. : Изд. Л. Э. Бухгейма, 1913. 64 с.; 2) Геннади Григорий Николаевич // РБС. [Т.] Гааг — Гербель. СПб., 1914. С. 391—394; Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826—1880). М. : Книга, 1981. 126, [2] с. (Деятели книги).

⁽²⁾ Здобнов Н. В. История русской библиографии... Изд. 3-е / под ред. Б. С. Боднарского. М., 1955. Примечания. С. 588. Подлинник письма хранится в Отделе рукописей РГБ.

⁽³⁾ Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956. С. 225.

⁽⁴⁾ Там же. Это — продолжение линии Здобнова, только значительно усиленное ссылками на труды революционных демократов.

⁽⁵⁾ См.: Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826—1880). М., 1981. 126, [2] с.

⁽⁶⁾ См.: Равич Л. М., Эльзон М. Д. О стихотворении Некрасова «Литературная травля» // Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. 4. С. 40—51. Авторы статьи утверждают, что стихотворение Н. А. Некрасова, появившееся через несколько лет после публикации работы Г. Н. Геннади, вряд ли могло быть связано с пропуском «Мертвых душ»; скорее всего его сюжет связан с деятельностью М. Н. Лонгинова, который к тому времени занял пост начальника цензурного ведомства.

⁽⁷⁾ См.: Равич Л. М. Г. Н. Геннади как издатель и редактор // Библиотековедение. 2003. № 1. С. 74—83.

⁽⁸⁾ Список трудов и изданий Г. Н. Геннади // Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади : (обзор жизни и трудов). М.: Изд. Л. Э. Бухгейма, 1913. С. 13—62.

⁽⁹⁾ См.: Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826—1880)... С. 67—82.

⁽¹⁰⁾ *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. : в 3 т. СПб. : Альфарет, 2006. Т. 1–3. (Репринтное воспроизведение издания 1876–1906 гг.); То же. М. : Мамонт, 2010. Т. 1–3.

⁽¹¹⁾ См.: *Равич Л. М.* Г. Н. Геннади (1826–1880)... С. 110.

⁽¹²⁾ *Иваск У. Г.* Григорий Николаевич Геннади... С. 11.

Л. М. Равич